

Чхве Чжунхан спокойно кивнул. Я вдруг вспомнил пациента, которым он занимался в соседней палате.

Оба были молодыми парнями примерно одного возраста, но тот, второй, после трёх операций скончался от острого сепсиса. Хотя тяжесть травм различалась, они попали в одну аварию, в одну больницу — а исходы оказались диаметрально противоположными.

Это было печально. Чхве Чжунхан, интерн и двое стажёров потащили вещи вниз, на подземную парковку.

— Ого, её бы помыть.

Машина, которой пренебрегали больше двух месяцев, была покрыта толстым слоем пыли. Доктор Чон быстро сбегал и вернулся с тряпкой, чтобы протереть лобовое стекло. Как это назвать? Хорошая хватка? Сообразительность? Симпатичный парень.

Грубо протерев стекло, доктор Чон помог загрузить вещи в багажник и на заднее сиденье. В этот момент ему позвонили. Я слегка опустил стекло и обратился к нему, глядящему в больничный смартфон:

— Доктор Чон Уиль, спасибо за помощь.

Машина тронулась. В окне интерн Чон Уиль широко раскрыл глаза — удивлялся, откуда я знаю его имя.

Чон Уиль был тем самым интерном, который заказывал с десятков разных кофе в отделении психиатрии. Машина выехала с подземной парковки. Солнце слепило глаза после долгого перерыва. Чхве Чжунхан заговорил, пока я вёл машину:

— Я куплю тебе выпивку. Как насчёт стакана?

— Я не пью.

— Ты что, недолюбливаешь меня?

— С чего бы?

Чхве Чжунхан был компетентен. Некоторые его навыки даже превосходили мои. Когда в травматологии становилось шумно, его решения по некоторым пациентам были немного медленными, но это лишь потому, что он не привык к корейской медицинской практике. Я верил, что время исправит это.

Как бы то ни было, он имел ауру человека, получившего элитное образование. Причин недолюбливать его не было. Но сказать, что причин недолюбливать нет, означало, что, наоборот, причин особенно любить тоже нет. Я не испытывал к нему никаких чувств.

— Я просто перекаати-поле.

— Даже вкопанный камень — это камень. Как ты вытащишь камень, который забили?

Даже будучи младшим профессором, я всё ещё был профессором. Если только я не уволюсь по собственному желанию или не совершу крупную врачебную ошибку, которая войдёт в историю корейской медицины, причин выгнать меня из больницы не было.

Даже если его назначат профессором, результат будет тот же. Это будет битва между вкопанными камнями.

Говоря по-мелкому, я был профессором, которого уважало руководство. Будучи единственным, кто мог притормозить разогнавшийся поезд профессора Кима, они не могли относиться ко мне легкомысленно. Он кивнул на мои слова.

— Это правда.

— Если ты так легко соглашаешься, зачем вообще спрашивать?

— Ха-ха.

На моё бормотание он неловко рассмеялся. Как врач он был компетентен, но как человек — немного неудобен. Возможно, поэтому я ничего к нему не чувствовал.

Кроме разговоров о медицине, я не знал, о чём с ним говорить. Мне было легче иметь дело с людьми, которые показывали свои эмоции или откровенно раздражались. Я не мог понять, о чём он думает.

Примерно через десять минут езды от больницы мы припарковались у виллы в жилом комплексе. Стоя перед стеклянной дверью виллы, я ввёл код.

Пип-пип-пип.

Пип-пип.

Я открыл дверь и поставил вещи у входа. После пары ходок нам удалось затащить всё в гостиную.

— Здесь больше, чем я думал.

— Это вилла. И старая. А, можешь использовать комнату внутри.

Он занёс коробку в спальню. Я скрестил руки и огляделся. Холод пола, лишённого тепла человеческого присутствия, пробрался к ногам.

Я отдёрнул светонепроницаемые шторы в гостиной, впуская поток солнечного света. Дом стоял на возвышенности, соседних домов не было — освещение было отличным. Это было единственным преимуществом виллы. Он похлопал меня по плечу.

Я повернул голову, всё ещё скрестив руки, мол, что случилось.

Когда я с пациентами, другие медики часто касаются моего тела. Обычно это случается, когда им нужно сказать что-то трудное или то, что нельзя говорить при пациенте. Это сигнал.

Возможно, это звучит холодно, но для медиков пациенты — как сломанные детали механизма. Больничная система превращает их в это. Поэтому иногда глупые люди забывают о существовании пациента.

Я не люблю обсуждать неопределённые медицинские исходы — хорошие или плохие — в присутствии пациента. Обычно похлопывание по плечу означало, что нужно выйти и быстро переговорить наедине.

По иронии судьбы, нынешняя ситуация не была больничной проблемой. Это была не больница, значит, и проблема была не связана с больничными делами.

— Та комната, которую вы упомянули, заперта.

— А, это...

Он выглядел так, будто объяснения будут сложными, поэтому я вошёл вместе с ним. Он покосился на запертую комнату. Я попытался переключить его внимание.

— Не та комната, а вот эта, внутри.

— А что в той комнате?

— Просто кладовая. Ничего особенного.

Я одновременно открыл дверь комнаты, которую велел ему использовать. Внутри был хаос — любой бы сказал, что это кладовка.

— Разве это не кладовка?

— ...

— А та комната...

— Я помогу здесь прибраться. А та комната — туда нельзя. Категорически.

Я твёрдо заявил, что другая комната — запретная зона. Я даже не помнил, что там было. Моя внезапная резкость, похоже, удивила его.

— Понял.

Я помогал наводить порядок, запихивая вещи в коробки. Когда всё перетаскивали, уже почти наступило время ужина.

Закат струился сквозь окно гостиной. Я не мог вспомнить, когда в последний раз видел такой красный закат за пределами больницы. Кое-как закончив с уборкой, Чхве Чжунхан, переодевшись, подошёл ко мне, сидевшему на диване в гостиной.

— Хён, что будешь делать на ужин?

— Не знаю.

Я не думал о том, как поужинать. Точнее, еда была просто способом утолить физиологический голод, а не вопросом удовольствия. В наши дни, когда доставка так удобна, беспокоиться о еде стало меньше.

— Давай поедим где-нибудь. Я угощаю.

— Просто закажи доставку, не заморачивайся.

— Доставку можно заказать в любой день.

Услышав слова Чхве Чжунхана сверху, я вышел из приложения доставки. Вместо этого я по привычке зашёл в групповой чат, но сегодня, в отличие от обычного, там было подозрительно тихо — будто все ушли на забастовку.

Небу всё равно. Обычно, когда я молюсь, чтобы не было слишком занято, пациенты валят как из прорванной плотины, а когда я хочу пойти в больницу, прикрываясь занятостью как предлогом, пациентов нет. Я уже собрался напечатать: «Если будет занято — связывайтесь в любое время», как подошёл Чхве Чжунхан.

— Если будет занято — они свяжутся. Хён, это ведь тоже своего рода болезнь.

От его слов я тихо опустил телефон. Больше не было смысла говорить: «Связывайтесь, если будет работа».

Современное общество — это общество систем. Среди них больницы — места, где эта черта особенно сильна. То, что я сегодня вне больницы, не значит, что она рухнет.

Для больницы отдельный человек значит именно столько. Не знаю, какая такая гордыня заставила меня думать иначе. Возможно, я хотел чувствовать себя нужным. Это было самоудовлетворение. Я поднял голову с куда более лёгким выражением лица.

— Закончил с вещами?

— В общем. Убирать там было особо нечего. Поедим?

Чхве Чжунхан осторожно спросил, наблюдая за моей реакцией. Я поднял телефон, который положил на диван, и встал, легко коснувшись плеча Чхве Чжунхана телефоном в руке.

— Ты сказал, что угощаешь, так что дай мне немного насладиться за счёт младшего коллеги.

Я махнул рукой и зашёл в комнату. Открыл запылённый шкаф и переоделся во что-то подходящее.

Мы направились в оживлённый район недалеко от больницы. Под огнями, заливавшими тьму, сновало множество людей. В каждом заведении было полно посетителей. Улица гудела.

Сегодня, вчера и, наверное, завтра здесь будет так же людно. Даже без меня завтра будет то же самое. Думая так, я переставал видеть разницу между приёмным покоем и сердцем этого оживлённого района.

Кто-то решил проехать по переполненной улице на машине. Люди хмурились и расступались при виде дорогого авто.

Всё равно скорость машины была медленнее пешеходной. По бокам от неё толпились люди, как на забитой трассе.

Студент, зная, что улица узкая и многолюдная, прицепился к машине и громко возмущался:

— Ты что, псих? Зачем ты сюда на машине?

— Серьёзно, без мозгов.

Сквозь слегка тонированное лобовое стекло виднелись силуэты водителя и пассажира на переднем сиденье. Все снаружи, казалось, соглашались с этими двумя, но в конечном счёте их жалобы не доходили до виновников внутри машины.

Только когда машина с трудом выбралась из переулка, затор в узкой улочке начал рассасываться. Чхве Чжунхан указал на находившийся неподалёку ресторан чхопчан — жареных кишок. Заведение было с приличным количеством посетителей.

— Как насчёт чхопчана?

Мы поняли, что по дороге даже не думали о меню. Чхве Чжунхан и я были зачарованы уличным пейзажем.

Эта сцена, обыденная для других, казалась нам миром иным. Так было не с самого начала. Это случилось постепенно — с того момента, как мы перестали выбираться за пределы больницы.

— Давай.

Без колебаний мы вошли в ресторан. Как раз в этот момент встала пара. Мы заказали две порции рагу из кишок. Поскольку посетителей было много, еда вышла быстро — уже готовой. Овощи, горкой лежавшие сверху, быстро обмякли, когда бульон закипел.

Я зачерпнул острого бульона и дал ему стечь по горлу. В тот же миг между мной и Чхве Чжунханом повисла странная атмосфера. Молодой человек напротив нас поднял руку. В руке у него была пустая зелёная бутылка.

— Одну соджу сюда, пожалуйста.

— Две бутылки! Две, пожалуйста!

Мужчина напротив, уже пьяный, показал два пальца. Сотрудник в фартуке поставил на стол две бутылки соджу.

Наблюдая за этим, я причмокнул. С тех пор как я стал профессором, я почти ни с кем не пил по-человечески — кроме как по работе.

То ли это было чувство ответственности, пришедшее вместе со званием профессора, то ли давление оттого, что если с профессором Кимом что-то случится, я останусь единственным, кто сможет взять на себя травматологию — я не мог сказать точно.

— Хён, ты пьёшь?

— Конечно.

Спрашивать врача, тем более профессора, хорошо ли он пьёт. Разве это вопрос? Чхве Чжунхан улыбнулся и поднял руку.

— Одну бутылку соджу, пожалуйста.

— Бутылка или две — не вопрос.

Пробормотал я, наливая рагу в миску перед собой. Одну бутылку — должно хватить. Я успокоил себя и заказал. Сотрудник поставил соджу на наш стол и ушёл.

Чхве Чжунхан ловко встряхнул бутылку с соджу. Трудно было поверить, что он недавно вернулся из США, — по его корейским манерам.

Чхве Чжунхан разлил соджу по моему пустому стакану. Не прошло и тридцати секунд, как прозрачная жидкость наполнила крошечную рюмку размером с фалангу пальца, и я опрокинул её в себя. Давненько не пил — аж приятно стало.

От переводчика:

Дорогие читатели! С началом учебного года, к сожалению, главы будут выходить реже, чем во

время каникул из-за моего загруженного графика с ВУЗом и работой.

Я создала отдельный телеграмм-канал, где выложено расписание выхода глав всех моих переводов, а также будет отдельно уведомляться, когда главы будут выгружены на сайт.

Это сделано исключительно для вашего удобства, я не принуждаю никого подписываться, но ссылочку оставляю.

Спасибо за внимание! ♥

https://t.me/evanescent_webnovel

<http://bllate.org/book/20325/2089913>